ВЛАДИСЛАВЪ ХОДАСЕВИЧЪ

ТЯЖЕЛАЯ ЛИРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА
1923

ΚΤΗΜΑ
ΕΙΣ
ΑΕΙ

Репринтное издание

Москва „Книга“ 1989

ВЛАДИСЛАВЪ ХОДАСЕВИЧЪ

ТЯЖЕЛАЯ ЛИРА

ЧЕТВЕРТАЯ
КНИГА СТИХОВЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА
БЕРЛИНЪ / ПЕТЕРБУРГЪ / МОСКВА
1923

Печать Библіографическаго Института
въ Лейпцигѣ

ТЯЖЕЛАЯ ЛИРА

МУЗЫКА

Всю ночь мела метель, но утро ясно.
Еще воскресная по тѣлу бродитъ лѣнь,
У Благовѣщенья на Бережкахъ обѣдня
Еще не отошла. Я выхожу во дворъ.
Какъ мало все: и домикъ, и дымокъ,
Завившійся надъ крышей! Серебророзовъ
Морозный паръ. Столпы его восходятъ
Изъ-за домовъ подъ самый куполъ неба,
Какъ-будто крылья ангеловъ гигантскихъ.
И маленькимъ такимъ вдругъ оказался
Дородный мой сосѣдъ Сергѣй Иванычъ.
Онъ въ полушубкѣ, въ валенкахъ. Дрова
Вокругъ него раскиданы по снѣгу.
Обѣими руками, напрягаясь,
Тяжелый свой колунъ надъ головою
Заноситъ онъ, но — тукъ! тукъ! тукъ! —
не громко
Звучатъ удары: небо, снѣгъ и холодъ
Звукъ поглощаютъ... «Съ праздникомъ, сосѣдъ.»
«А, здравствуйте!» — Я тоже разставляю
Свои дрова. Онъ — тукъ! Я — тукъ! Но вскорѣ
Надоѣдаетъ мнѣ колоть, я выпрямляюсь
И говорю: «Постойте-ка минутку,

Какъ-будто музыка?» Сергѣй Иванычъ
Перестаетъ работать, голову слегка
Приподымаетъ, ничего не слышитъ,
Но слушаетъ старательно... «Должно быть,
Вамъ показалось», говоритъ онъ. — «Что вы,
Да вы прислушайтесь. Такъ ясно слышно!»
Онъ слушаетъ опять: «Ну, можетъ быть —
Военнаго хоронятъ? Только что-то
Мнѣ не слыхать». Но я не унимаюсь:
«Помилуйте, теперь совсѣмъ ужъ ясно.
И музыка идетъ какъ-будто сверху.
Віолончель... и арфы, можетъ быть...
Вотъ хорошо играютъ! Не стучите».
И бѣдный мой Сергѣй Иванычъ снова
Перестаетъ колоть. Онъ ничего не слышитъ,
Но мнѣ мѣшать не хочетъ и досады
Старается не выказать. Забавно:
Стоитъ онъ посреди двора, боясь нарушить
Неслышную симфонію. И жалко
Мнѣ, наконецъ, становится его.
Я объявляю: «Кончилось». Мы снова
За топоры беремся. Тукъ! Тукъ! Тукъ!...
А небо
Такое же высокое, и такъ же
Въ немъ ангелы пернатые сіяютъ.

1920.

Лэди долго руки мыла,
Лэди крѣпко руки терла.
Эта лэди не забыла
Окровавленнаго горла.

Лэди, лэди! Вы какъ птица
Бьетесь на безсонномъ ложѣ.
Триста лѣтъ ужъ вамъ не спится —
Мнѣ лѣтъ шесть не спится тоже.

1921.

Не матерью, но тульскою крестьянкой
Еленой Кузиной я выкормленъ. Она
Свивальники мнѣ грѣла надъ лежанкой,
Крестила на ночь отъ дурного сна.

Она не знала сказокъ и не пѣла,
За то всегда хранила для меня
Въ завѣтномъ сундукѣ, обитомъ жестью бѣлой,
То пряникъ вяземскій, то мятнаго коня.

Она меня молитвамъ не учила,
Но отдала мнѣ безраздѣльно все:
И материнство горькое свое,
И просто все, что дорого ей было.

Лишь разъ, когда упалъ я изъ окна,
Но всталъ живой (какъ помню этотъ день я!)
Грошевую свѣчу за чудное спасенье
У Иверской поставила она.

И вотъ, Россія, «громкая держава»,
Ея сосцы губами теребя,
Я высосалъ мучительное право
Тебя любить и проклинать тебя.

Въ томъ честномъ подвигѣ, въ томъ счастьи
пѣснопѣній,
Которому служу я въ каждый мигъ,
Учитель мой — твой чудотворный геній,
И поприще — волшебный твой языкъ.

И предъ твоими слабыми сынами
Еще порой гордиться я могу,
Что сей языкъ, завѣщанный вѣками,
Любовнѣй и ревнивѣй берегу...

Года бѣгутъ. Грядущаго не надо,
Минувшее въ душѣ пережжено,
Но тайная жива еще отрада,
Что есть и мнѣ прибѣжище одно:

Тамъ, гдѣ на сердцѣ, съѣденномъ червями,
Любовь ко мнѣ нетлѣнно затая,
Спитъ рядомъ съ царскими, ходынскими гостями
Елена Кузина, кормилица моя.

1922.

Такъ бываетъ почему то:
Ночью, чуть забрезжатъ сны —
Сердце словно вдругъ откуда-то
Упадаетъ съ вышины.

Ахъ — и я въ постели. Только
Сердце бьется невпопадъ.
Въ полутьмѣ съ ночного столика
Смутно смотритъ циферблатъ.

Только ощущеньемъ кручи
Ты еще трепещешь вся —
Легкая моя, падучая,
Милая душа моя!

1920.

КЪ ПСИХЕѢ

Душа! Любовь моя! Ты дышешь
Такою чистой высотой,
Ты крылья тонкія колышешь
Въ такой лазури, что порой,

Вдругъ, не стерпя счастливой муки,
Лелѣя нашъ святой союзъ,
Я самъ себѣ цѣлую руки,
Самъ на себя не нагляжусь.

И какъ мнѣ не любить себя,
Сосудъ непрочный, некрасивый,
Но драгоцѣнный и счастливый
Тѣмъ, что вмѣщаетъ онъ — тебя?

1920.

ДУША

Душа моя — какъ полная луна:
Холодная и ясная она.

На высотѣ горитъ себѣ, горитъ —
И слезъ моихъ она не осушитъ;

И отъ бѣды моей не больно ей,
И ей невнятенъ стонъ моихъ страстей;

А сколько здѣсь мнѣ довелось страдать —
Душѣ сіяющей не стоитъ знать.

1921.

Психея! Бѣдная моя!
Дыханье робко затая,
Внимать не смѣетъ и не хочетъ:
Заслушаться такъ жутко ей
Тѣмъ, чтó безмолвіе пророчитъ
Въ часы мучительныхъ ночей.

Увы! за что, когда все спитъ
Ей вдохновеніе твердитъ
Свои пиѳійскіе глаголы?
Простой душѣ невыносимъ
Даръ тайнослышанья тяжелый.
Психея падаетъ подъ нимъ.

1921.

ИСКУШЕНІЕ

«Довольно! Красоты не надо.
Не стоитъ пѣсенъ подлый міръ.
Померкни, Тассова лампада, —
Забудься, другъ вѣковъ, Омиръ!

«И Революціи не надо!
Ея разсѣянная рать
Одной вѣнчается наградой,
Одной свободой — торговать.

«Вотще на площади пророчитъ
Гармоніи голодный сынъ:
Благихъ вѣстей его не хочетъ
Благополучный гражданинъ.

«Самодовольный и счастливый,
Подъ грудой выцвѣтшихъ знаменъ,
Коросту хамства и наживы
Себѣ начесываетъ онъ;

«— Прочь, не мѣшай мнѣ, я торгую.
— Но не буржуй, но не кулакъ,
— Я прячу выручку дневную
— Свободы въ огненный колпакъ.

«Душа! Тебѣ до боли тѣсно
Здѣсь, въ опозоренной груди.
Ищи отрады поднебесной,
А внизъ, на землю, не гляди».

Такъ искушаетъ сердце злое
Психеи чистыя мечты.
Психея же въ отвѣтъ: — Земное,
Что о небесномъ знаешь ты?

1921.

Пускай минувшаго не жаль,
Пускай грядущаго не надо, —
Смотрю съ язвительной отрадой
Временъ въ приближенную даль.
Всѣмъ равный жребій, вровень хлѣба
Отмѣритъ справедливый вѣкъ.
А все-таки порой на небо
Посмотритъ смирный человѣкъ, —
И одиночество взыграетъ,
И душу гордость окрылитъ:
Онъ неравéнство оцѣнитъ
И дерзновенья пожелаетъ...
Такъ нынче травка прорастаетъ
Сквозь трещины гранитныхъ плитъ.

1920.

БУРЯ

Буря! Ты армады гонишь
По разгнѣваннымъ водамъ,
Тучи вьешь и мачты клонишь,
Прахъ подъемлешь къ небесамъ.

Рѣки вспять ты обращаешь,
На скалы бросаешь понтъ,
У старушки вырываешь
Ветхій, вывернутый зонтъ.

Вѣковыя рощи косишь,
Градомъ бьешь посѣвъ полей, —
Только мудрымъ не приносишь
Ни веселій, ни скорбей.

Мудрый подойдетъ къ окошку,
Поглядитъ, какъ бьетъ гроза, —
И смыкаетъ понемножку
Пресыщенные глаза.

1921.

Люблю людей, люблю природу,
Но не люблю ходить гулять,
И твердо знаю, что народу
Моихъ твореній не понять.

Довольный малымъ, созерцаю
То, что даетъ нещедрый рокъ:
Вязъ, прислонившійся къ сараю,
Покрытый лѣсомъ бугорокъ...

Ни грубой славы, ни гоненій
Отъ современниковъ не жду,
Но самъ стригу кусты сирени
Вокругъ террасы и въ саду.

1921.

ГОСТЮ

Входя ко мнѣ, неси мечту,
Иль дьявольскую красоту,
Иль Бога, если самъ ты Божій.
А маленькую доброту,
Какъ шляпу, оставляй въ прихожей.

Здѣсь, на горошинѣ земли,
Будь или ангелъ, или демонъ.
А человѣкъ — иль не затѣмъ онъ,
Чтобы забыть его могли?

1921.

Когда бъ я долго жилъ на свѣтѣ,
Должно быть, на исходѣ дней
Упали бы соблазновъ сѣти
Съ несчастной совѣсти моей.

Какая можетъ быть досада,
И счастья развѣ хочешь самъ,
Когда нездѣшняя прохлада
Уже бѣжитъ по волосамъ?

Глазъ отдыхаетъ, слухъ не слышитъ.
Жизнь потаенно хороша,
И небомъ невозбранно дышетъ
Почти свободная душа.

1921.

ЖИЗЕЛЬ

Да, да! Въ слѣпой и нѣжной страсти
Переболѣй, перегори,
Рви сердце, какъ письмо, на части,
Сойди съ ума, потомъ умри.

И что жъ? Могильный камень двигать
Опять прійдется надъ собой,
Опять любить и ножкой дрыгать
На сценѣ лунно-голубой.

1922.

ДЕНЬ

Горячій вѣтеръ, злой и лживый.
Дыханье пыльной духоты.
Къ чему, душа, твои порывы?
Куда еще стремишься ты?

Здѣсь хорошо. Вкушаетъ лира
Свой усыпительный покой
Во влажномъ сладострастьи міра,
Въ лѣнивой прелести земной.

Здѣсь хорошо. Грозы раскаты
Надъ ясной улицей ворчатъ,
Идутъ подъ музыку солдаты,
И бѣсы юркіе кишатъ:

Тамъ разноцвѣтныя афиши
Спѣшатъ расклеить по стѣнамъ,
Тамъ скатываются по крышѣ
И падаютъ къ людскимъ ногамъ.

Тотъ ловитъ мухъ, другой танцуетъ,
А этотъ, съ мордочкой тупой,
Безстыжимъ всадникомъ гарцуетъ
На бедрахъ вѣдьмы молодой...

И вѣрно, долго не прервется
Блистательная кутерьма,
И съ грохотомъ не распадется
Темно-лазурная тюрьма,

И солнце не устанетъ парить,
И попъ, деньку такому радъ,
Не догадается ударить
Надъ этимъ городомъ въ набатъ.

1921.

ИЗЪ ОКНА

1

Нынче день такой забавный:
Отъ возницъ, что̀ было силъ,
Конь умчался своенравный;
Мальчикъ змѣй свой упустилъ;
Воръ цыпленка утащилъ
У безносой Николавны.

Но — настигнутъ воръ нахальный,
Змѣй упалъ въ сосѣднiй садъ,
Мальчикъ ладитъ хвостъ мочальный,
И коня ведутъ назадъ:
Возстаетъ мой тихiй адъ
Въ стройности первоначальной.

2

Все жду: кого-нибудь задавитъ
Взбѣсившійся автомобиль,
Зѣвака блѣдный окровавитъ
Торцовую сухую пыль.

И съ этого пойдетъ, начнется:
Раскачка, выворотъ, бѣда,
Звѣзда на землю оборвется,
И станетъ горькою вода.

Прервутся сны, что̀ душу душатъ.
Начнется все, чего хочу,
И солнце ангелы потушатъ,
Какъ утромъ — лишнюю свѣчу.

1921.

ВЪ ЗАСѢДАНІИ

Грубой жизнью оглушенный,
Нестерпимо уязвленный,
Опускаю вѣки я —
И дремлю, чтобъ легче минулъ,
Чтобы какъ отливъ отхлынулъ
Шумъ земного бытія.

Лучше спать, чѣмъ слушать рѣчи
Злобной жизни человѣчьей,
Малыхъ правдъ пустую прю.
Все я знаю, все я вижу —
Лучше сномъ къ себѣ приближу
Неизвѣстную зарю.

А ужъ если сны приснятся,
То пускай въ нихъ повторятся
Дѣтства давніе года:
Снѣгъ на дворикѣ московскомъ,
Иль — въ Петровскомъ-Разумовскомъ
Паръ надъ зеркаломъ пруда.

1921.

Ни розоваго сада,
Ни пѣсеннаго лада
Во истину не надо —
Я падаю въ себя.

На все, что̀ людямъ ясно,
На все, что̀ имъ прекрасно,
Вдругъ стала несогласна
Взыгравшая душа.

Мнѣ все невыносимо!
Скорѣй же, легче дыма,
Летите мимо, мимо,
Дурные сны земли!

1921.

СТАНСЫ

Бывало, думалъ: ради мига
И годъ, и два, и жизнь отдамъ...
Цѣны не знаетъ прощалыга
Своимъ приблуднымъ пятакамъ.

Теперь иные дни настали.
Лежат морщины возлѣ губъ,
Мои минуты вздорожали,
Я сталъ уменъ, суровъ и скупъ.

Я много вижу, много знаю,
Моя сѣдѣетъ голова,
И звѣздный ходъ я примѣчаю,
И слышу, какъ растетъ трава.

И каждый вамъ неслышный шопотъ,
И каждый вамъ незримый светъ,
Обогащаютъ смутный опытъ
Психеи, падающей въ бредъ.

Теперь себя я не обижу:
Старѣю, горблюсь, — но коплю
Все что̀ такъ нѣжно ненавижу
И такъ язвительно люблю.

1922.

ПРОБОЧКА

Пробочка надъ крѣпкимъ іодомъ!
Какъ ты скоро перетлѣла!
Такъ вотъ и душа незримо
Жжетъ и разъѣдаетъ тѣло.

1921.

ИЗЪ ДНЕВНИКА

Мнѣ каждый звукъ терзаетъ слухъ,
И каждый лучъ глазамъ несносенъ.
Прорѣзываться началъ духъ,
Какъ зубъ изъ-подъ припухшихъ деcенъ.

Прорѣжется — и сброситъ прочь
Изношенную оболочку.
Тысячеокій—канетъ въ ночь,
Не въ эту сѣренькую ночку.

А я останусь тутъ лежать —
Банкиръ, заколотый апашемъ, —
Руками рану зажимать,
Кричать и биться въ мірѣ вашемъ.

1921.

ЛАСТОЧКИ

Имѣй глаза — сквозь день увидишь ночь,
Не озаренную тѣмъ воспаленнымъ дискомъ.
Двѣ ласточки напрасно рвутся прочь,
Передъ окномъ шныряя съ тонкимъ пискомъ.

Вонъ ту прозрачную, но прочную плеву
Не прободать крыломъ остроугольнымъ,
Не выпорхнуть туда, за синеву,
Ни птичьимъ крылышкомъ, ни сердцемъ
подневольнымъ.

Пока вся кровь не выступитъ изъ поръ,
Пока не выплачешь земные очи —
Не станешь духомъ. Жди, смотря въ упоръ,
Какъ брызжетъ свѣтъ, не застилая ночи.

1921.

Перешагни, перескачи,
Перелети, пере- что хочешь —
Но вырвись: камнемъ изъ пращи,
Звѣздой, сорвавшейся въ ночи...
Самъ затерялъ — теперь ищи...

Богъ знаетъ, что̀ себѣ бормочешь,
Ища пенснэ или ключи.

1921.

Смотрю въ окно — и презираю.
Смотрю въ себя — презрѣнъ я самъ.
На землю громы призываю,
Не довѣряя небесамъ.

Дневнымъ сіяніемъ объятый,
Одинъ беззвѣздный вижу мракъ...
Такъ вьется на грядѣ червякъ,
Разсѣченъ тяжкою лопатой.

1921.

СУМЕРКИ

Снѣгъ навалилъ. Все затихаетъ глохнетъ.
Пустынный тянется вдоль переулка домъ.
Вотъ человѣкъ идетъ. Пырнуть его ножемъ —
Къ забору прислонится и не охнетъ.
Потомъ опустится и ляжетъ внизъ лицомъ.
И вѣтерка дыханье снѣговое,
И вечера чуть уловимый дымъ —
Предвѣстники прекраснаго покоя —
Свободно такъ закружатся надъ нимъ.
А люди черными сбѣгутся муравьями
Изъ улицъ, со дворовъ, и станутъ между нами.
И будутъ спрашивать, за что и какъ убилъ, —
И не пойметъ никто, какъ я его любилъ.

1921.

ВАКХЪ

Какъ волшебникъ, прихожу я
Сквозь весеннюю грозу.
Благосклонно приношу я
Вамъ азійскую лозу.

Вѣтку чудную привейте,
А когда настанетъ срокъ,
Въ чаши чистыя налейте
Мой животворящій сокъ.

Лейте женамъ, пейте сами,
Лейте дѣвамъ молодымъ.
Самъ я буду между вами
Съ золотымъ жезломъ моимъ.

Подскажу я пѣсни хору,
Въ свѣтломъ буйствѣ закружу,
Отуманенному взору
Дивно все преображу.

И дана вамъ будетъ сила
Знать, что̀ скрыто отъ очей,
И ни старость, ни могила
Не смутятъ моихъ дѣтей.

Ни змѣя васъ не ужалитъ,
Ни печаль — покуда хмель
Всѣхъ счастливцевъ не повалитъ
На зеленую постель.

Я же — прочь, походкой рѣзвой,
Въ розовѣющій туманъ,
Сколько бы ни выпилъ — трезвый,
Лишь самимъ собою пьянъ.

1921.

ЛИДА

Высокихъ словъ она не знаетъ,
Но грудь бѣла и высока
И сладострастно воздыхаетъ
Изъ-подъ кисейнаго платка.
Ея стопы порою босы,
Ея глаза слегка раскосы,
Но сердце тѣмъ вѣрнѣй летитъ
На ихъ двусмысленный магнитъ.
Когда поютъ ея подруги
У полунощнаго костра,
Она молчитъ, скрестивши руки,
Но хочетъ пѣсенъ до утра.
Гитарный голосъ ей понятенъ
Отзывомъ роковыхъ страстей,
И говорятъ, не мало пятенъ —
Разгулу отданныхъ ночей —
На женской совѣсти у ней.
Лишь я ее не вызываю
Условнымъ стукомъ на крыльцо,
Ея ночей не покупаю
Ни за любовь, ни за кольцо.
Но мило мнѣ ея явленье,
Когда на спящее селенье
Ложится утренняя мгла:
Она проходитъ въ отдаленьи,
Едва слышна, почти свѣтла,
Какъ-будто Ангелу Паденья
Свободно руку отдала.

1921.

БѢЛЬСКОЕ УСТЬЕ

Здѣсь даль видна въ просторной рамѣ:
За рѣчкой лугъ, за лугомъ лѣсъ.
Здѣсь ливни черными столпами
Проходятъ по краямъ небесъ.

Здѣсь радуга высокимъ сводомъ
Церковный покрываетъ крестъ,
И каждый праздникъ по приходамъ
Справляютъ ярмарки невѣстъ.

Здѣсь аисты, болота, змѣи,
Крутой песчаный косогоръ,
Простыя сельскія затѣи,
Объ урожаѣ разговоръ.

А я росистыя поляны
Топчу тяжелымъ башмакомъ,
Я петербургскіе туманы
Таю любовно подъ плащемъ,

И къ дѣвушкамъ, румянымъ розамъ,
Склоняясь томною главой,
Дышу на нихъ туберкулезомъ,
И вдохновеньемъ, и Невой,

И мыслю: что жъ, таковъ отъ вѣка,
Отъ самыхъ роковыхъ временъ,
Для ангела и человѣка
Непререкаемый законъ.

И тотъ, прекрасный неудачникъ
Съ печатью знанья на челѣ,
Былъ тоже — просто первый дачникъ
На расцвѣтающей землѣ.

Сойдя съ возвышеннаго Града
Въ долину мирныхъ райскихъ розъ,
И онъ дыханіе распада
На крыльяхъ дымчатыхъ принесъ.

1921.

Горитъ звѣзда, дрожитъ эѳиръ,
Таится ночь въ пролеты арокъ.
Какъ не любить весь этотъ міръ,
Невѣроятный Твой подарокъ?

Ты далъ мнѣ пять невѣрныхъ чувствъ,
Ты далъ мнѣ время и пространство,
Играетъ въ маревѣ искусствъ
Моей души непостоянство.

И я творю изъ ничего
Твои моря, пустыни, горы,
Всю славу солнца Твоего,
Такъ ослѣпляющаго взоры.

И разрушаю вдругъ шутя
Всю эту пышную нелѣпость,
Какъ рушитъ малое дитя
Изъ картъ построенную крѣпость.

1921.

Играю въ карты, пью вино,
Съ людьми живу — и лба не хмурю.
Вѣдь знаю: сердце все равно
Летитъ въ излюбленную бурю.

Лети, корабликъ мой, лети,
Кренясь и не ища спасенья.
Его и нѣтъ на томъ пути,
Куда уноситъ вдохновенье.

Ужъ не вернуться намъ назадъ,
Хотя въ ненастье нашей ночи,
Быть можетъ, съ берега глядятъ
Одни, намъ вѣдомые, очи.

А нѣтъ — бѣды не много въ томъ!
Забыты мы — и то не плохо.
Вѣдь мы и гибнемъ, и поемъ
Не для дѣвическаго вздоха.

1922.

АВТОМОБИЛЬ

Бредемъ въ молчаніи суровомъ.
Сырая ночь, пустая мгла.
И вдругъ — съ какимъ пѣвучимъ зовомъ —
Автомобиль изъ-за угла.

Онъ чернымъ лакомъ отливаетъ,
Сіяя гранями стекла,
Онъ въ сумракъ ночи простираетъ
Два бѣлыхъ ангельскихъ крыла.

И стали зданія похожи
На праздничныя стѣны залъ,
И близко возлѣ насъ прохожій
Сквозь эти крылья пробѣжалъ.

А свѣтъ мелькнулъ и замаячилъ,
Колебля дождевую пыль...
Но слушай: мнѣ являться началъ
Другой, другой автомобиль.

Онъ пробѣгаетъ въ ясномъ свѣтѣ,
Онъ пробѣгаетъ бѣлымъ днемъ,
И два крыла на немъ, какъ эти,
Но крылья черные на немъ.

И все, что только попадаетъ
Подъ черный снопъ его лучей,
Невозвратимо исчезаетъ
Изъ утлой памяти моей.

Я забываю, я теряю
Психею свѣтлую мою,
Слѣпыя руки простираю
И ничего не узнаю:

Здѣсь міръ стоялъ, простой и цѣлый,
Но съ той поры, какъ ѣздитъ тотъ,
Въ душѣ и въ мірѣ есть пробѣлы,
Какъ бы отъ пролитыхъ кислотъ.

1921.

ВЕЧЕРЪ

Подъ ногами скользь и хрусть.
Вѣтеръ дунулъ, снѣгъ пошелъ.
Боже мой, какая грусть!
Господи, какая боль!

Тяжекъ твой подлунный міръ,
Да и Ты немилосердъ.
И къ чему такая ширь,
Если есть на свѣтѣ смерть?

И никто не объяснитъ,
Отчего на склонѣ лѣтъ
Хочется еще бродить,
Вѣрить, коченѣть и пѣть.

1922.

ПОРОКЪ И СМЕРТЬ

Порокъ и смерть! Какой соблазнъ горитъ,
И сколько нѣгъ вздыхаетъ въ словѣ маломъ!
Порокъ и смерть язвятъ единымъ жаломъ,
И только тотъ ихъ язвы убѣжитъ,
Кто тайное хранитъ на сердцѣ слово —
Утѣшный ключъ отъ бытія иного.

1921.

ЭЛЕГІЯ

Деревья Кронверкскаго сада
Подъ вѣтромъ буйно шелестятъ.
Душа взыграла. Ей не надо
Ни утѣшеній, ни усладъ.

Глядитъ безстрашными очами
Въ тысячелѣтія свои,
Летитъ широкими крылами
Въ огнекрылатые рои.

Тамъ все огромно и пѣвуче,
И арфа въ каждой есть рукѣ,
И съ духомъ духъ, какъ туча съ тучей,
Гремятъ на чудномъ языкѣ.

Моя изгнанница вступаетъ
Въ родное, древнее жилье
И страшнымъ братьямъ заявляетъ
Равéнство гордое свое.

И навсегда ужъ ей не надо
Того, кто подъ косымъ дождемъ
Въ аллеяхъ Кронверкскаго сада
Бредетъ въ ничтожествѣ своемъ.

И не понять мнѣ бѣднымъ слухомъ,
И коснымъ не постичь умомъ,
Какимъ она тамъ будетъ духомъ,
Въ какомъ раю, въ аду какомъ.

1921.

О. Д. Форшъ

На тускнѣющіе шпили,
На верхи автомобилей,
На желѣзо старыхъ стрѣхъ
Налипаетъ первый снѣгъ.

Много разъ я это видѣлъ,
А потомъ возненавидѣлъ,
Но сегодня тотъ же видъ
Новымъ чѣмъ-то веселитъ.

Это самъ я въ годъ минувшій,
Въ Божьи бездны соскользнувшій,
Пересоздалъ навсегда
Міръ, державшійся года.

И вотъ въ этомъ мірѣ новомъ,
Напряженномъ и суровомъ,
Нынче выпалъ первый снѣгъ...
Не такой онъ, какъ у всѣхъ.

1921.

МАРТЪ

Размякло, и раскисло, и размокло.
Отъ сырости такъ тяжело вздохнуть.
Мы въ тротуары смотримся, какъ въ стекла,
Мы смотримъ въ небо — въ небѣ дождь и муть...

Не чудно ли? Въ затоптанномъ и низкомъ
Свой горній ликъ мы нынче обрѣли,
А тамъ, на небѣ, близкомъ, слишкомъ близкомъ,
Все только то, что есть и у земли.

1922.

Старымъ снамъ затерянъ сонникъ.
Все равно — сбылись, иль нѣтъ.
Ночью сядь на подоконникъ,
Посмотри на тусклый свѣтъ.

Ничего, что такъ туманны
Небеса и времена:
Угадай-ка постоянный
Видъ изъ нашего окна.

Вспомни все, что такъ недавно
Веселило сердце намъ:
Невскій въ даль уходитъ плавно,
Небо клонится къ домамъ;

Смотритъ сѣрый, вѣковѣчный
Куполъ храма въ куполъ звѣздъ.
И на немъ — шестиконечный,
Намъ сейчасъ незримый крестъ.

1922.

Не вѣрю въ красоту земную
И здѣшней правды не хочу.
И ту, которую цѣлую,
Простому счастью не учу.

По нѣжной плоти человѣчьей
Мой ножъ проводитъ алый жгутъ:
Пусть мной цѣлованныя плечи
Опять крылами прорастутъ!

1922.

Друзья, друзья! Быть можетъ, скоро —
И не во снѣ, а на яву —
Я нить пустого разговора
Для всѣхъ нежданно оборву,

И повинуясь только звуку
Души, запѣвшей, какъ смычекъ,
Вдругъ подниму на воздухъ руку,
И затрепещетъ въ ней цвѣтокъ,

И я увижу и открою
Цвѣточный міръ, цвѣточный путь, —
О, если бы и вы со мною
Могли туда перешагнуть!

1921.

УЛИКА

Была туманной и безвѣстной,
Мерцала въ лунной вышинѣ,
Но воплощенной и тѣлесной
Теперь являться стала мнѣ.

И вотъ — среди бесѣды чинной,
Порой съ растеряннымъ лицомъ,
Снимаю волосъ, тонкій, длинный,
Забытый на плечѣ моемъ.

Тутъ гость изъ-за стакана чаю
Хитро косится на меня.
А я смотрю и понимаю,
Тихонько ложечкой звеня:

Блаженъ, кто завлеченъ мечтою
Въ безвыходный, дремучій сонъ,
И тамъ внезапно самъ собою
Въ нездѣшнемъ счастьи уличенъ.

1922.

Покрова Майи потаенной
Не приподнять моей рукѣ,
Но чуденъ міръ, отображенный
Въ твоемъ расширенномъ зрачкѣ.

Тамъ въ непостижномъ сочетаньи
Любовь и улица даны:
Огня эѳирнаго пыланье
И просто — таянье весны.

Тамъ свѣтлый космосъ возникаетъ
Подъ зыбкимъ пологомъ рѣсницъ.
Онъ кружится и расцвѣтаетъ
Звѣздой велосипедныхъ спицъ.

1922.

Большіе флаги надъ эстрадой,
Сидятъ пожарные, трубя.
Закрой глаза и падай, падай,
Какъ навзничь — въ самого себя.

День, раздраженный трубнымъ ревомъ,
Небесъ надвинутую синь
Заворожи единымъ словомъ,
Однимъ движеньемъ отодвинь.

И закативъ глаза подъ вѣки,
Движенье крови затая,
Вдохни минувшій сумракъ нѣкій,
Утробный сумракъ бытія.

Какъ всадникъ на горбахъ верблюда,
Назадъ въ истомѣ откачнись,
Замри — или умри отсюда,
Въ давно забытое родись.

И съ обновленною отрадой,
Какъ бы миражъ въ пустынѣ сей,
Увидишь флаги надъ эстрадой,
Услышишь трубы трубачей.

1922.

Ни жить, ни пѣть почти не стоитъ:
Въ непрочной грубости живемъ.
Портной тачаетъ, плотникъ строитъ:
Швы расползутся, рухнетъ домъ.

И лишь порой сквозь это тлѣнье
Вдругъ умиленно слышу я
Въ немъ заключенное біенье
Совсѣмъ иного бытія.

Такъ, провождая жизни скуку,
Любовно женщина кладетъ
Свою взволнованную руку
На грузно пухнущій животъ.

1922.

БАЛЛАДА

Сижу, освѣщаемый сверху,
Я въ комнатѣ круглой моей.
Смотрю въ штукатурное небо
На солнце въ шестнадцать свѣчей.

Кругомъ — освѣщенные тоже,
И стулья, и столъ, и кровать.
Сижу — и въ смущеньи не знаю,
Куда бы мнѣ руки дѣвать.

Морозныя бѣлыя пальмы
На стеклахъ беззвучно цвѣтутъ.
Часы съ металлическимъ шумомъ
Въ жилетномъ карманѣ идутъ.

О, косная, нищая скудость
Безвыходной жизни моей!
Кому мнѣ повѣдать, какъ жалко
Себя и всѣхъ этихъ вещей?

И я начинаю качаться,
Колѣни обнявши свои,
И вдругъ начинаю стихами
Съ собой говорить въ забытьи.

Безсвязныя, страстныя рѣчи!
Нельзя въ нихъ понять ничего,
Но звуки правдивѣе смысла,
И слово сильнѣе всего.

И музыка, музыка, музыка
Вплетается въ пѣнье мое,
И узкое, узкое, узкое
Пронзаетъ меня лезвіе.

Я самъ надъ собой выростаю,
Надъ мертвымъ встаю бытіемъ,
Стопами въ подземное пламя,
Въ текучія звѣзды челомъ.

И вижу большими глазами —
Глазами, быть можетъ, змѣи —
Какъ пѣнію дикому внемлютъ
Несчастныя вещи мои.

И въ плавный, вращательный танецъ
Вся комната мѣрно идетъ,
И кто-то тяжелую лиру
Мнѣ въ руки сквозь вѣтеръ даетъ.

И нѣтъ штукатурнаго неба
И солнца въ шестнадцать свѣчей:
На гладкія черныя скалы
Стопы опираетъ — Орфей.

1921.

СОДЕРЖАНІЕ

КНИГИ
ВЛАДИСЛАВА ХОДАСЕВИЧА

Молодость. Первая книга стиховъ. Изд-во «Грифъ». Москва, 1908. (Разошлось).

Счастливый домикъ. Вторая книга стиховъ. Изд. «Альціома». Москва, 1914 (Разошлось). Изд. 2е, З. И. Гржебина. Петербургъ, 1921. (Разошлось). Изд. 3е, З. И. Гржебина, Берлинъ, 1922.

Путемъ зерна. Третья книга стиховъ. Изд. «Творчество», Москва, 1920. Изд. 2е, дополненное, Изд. «Мысль», Петербургъ, 1921.

Изъ еврейскихъ поэтовъ. Переложенія. Изд. З. И. Гржебина, Петербургъ, 1921 (Разошлось). Изданіе 2е, Берлинъ, 1923.

Статьи о русской поэзіи. Книга I. Изд-во «Эпоха», Петербургъ, 1922.

Загадки. Сказка. Рисунки В. Замирайло. Изд-во «Эпоха», Петербургъ, 1922.

Тяжелая лира. Четвертая книга стиховъ. Изд. З. И. Гржебина, Берлинъ, 1923.

Стихи. Книга пятая. (Готовится).

Владислав Фелицианович Ходасевич

Тяжелая лира

Репринтное издание

Издание подготовлено при участии кооператива "Тахион"

Ответственный за выпуск
В.И.Синюков

ИБ 2004

Подписано в печать 2.06.89 Формат 84×108/32.
Бумага книжно-журнальная Печать офсетная.
Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 3,57. Уч.-изд. л. 1,25.
Тираж 145000 экз. Цена 2 р. Заказ № **24к**

Издательство „Книга“ 125047, Москва,
ул. Горького, 50. ПП „Чертановская типография“,
113545, Москва, Варшавское ш., 129 А

Х- 4702010100-084 / 002 (01)-89 Без объявл.

ISBN 5-212-00255-9

2 p.